

**ДЖЕБРАН
ХАЛИЛЬ
ДЖЕБРАН**

**ИИСУС
ХРИСТОС –
СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ**

Джебран Халиль Джебран Иисус Христос – Сын Человеческий Серия «Биография пророка»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180643

Джебран Халиль Джебран. Иисус Христос – Сын Человеческий:

Афина; Москва; 2016

ISBN 978-5-906789-83-9

Аннотация

В 1928 году в США было создано одно из самых загадочных и необычных произведений об Иисусе. Написал его ливанец, поэт, художник и философ Халиль Джебран. Восток взглянул в глаза Западу, страстность христианства отразилась в поэтическом слого арабских традиций. «Иисус Христос – Сын Человеческий» – свидетельство веры, прозрения и любви.

Ценность взгляда автора на Иисуса – не в обожествлении Назаретянина, как это обычно делают религиозные писатели, но в исследовании его Пути и Учения на начале человеческого. Джебран своим трудом подводит нас к мысли о том, что Путь Христа возможен для человека.

Содержание

От издательства	5
Иисус Христос – Сын Человеческий	11
Прелюдия. Слезы поэта	11
Свидетельские показания Иакова, сына Зеведея	13
Свидетельские показания Анны, матери Марии	21
Свидетельские показания Асафа, оратора Тирского	27
Свидетельские показания Марии Магдалины	31
Свидетельские показания грека Филимона	36
Свидетельские показания Симона, прозываемого Петром	38
Свидетельские показания первосвященника Каиафы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джебран Халиль Джебран
Иисус Христос –
Сын Человеческий

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

От издательства

Джебран Халиль Джебран – это особое имя в истории арабской литературы и философской мысли XX века. Ливано-американский, что само по себе примечательное сочетание, философский эссеист, романист, мистический поэт и художник известен всему миру, издается на многих языках и является самым читаемым арабским писателем и на Западе, и на Востоке.

Творчество Джебрана – синтез культур Востока и Запада. Может ли такое быть? Многие пытались, но не у многих это вылилось в органически прорастающее мировоззрение. Что способствовало тому: ливанская христианская семья или американские приключения, или европейская литература и живопись?.. Возможно, намек на ответ можно найти в биографии.

Халиль Джебран родился 6 января 1883 года в небольшом горном селении на севере современного Ливана. В семье были еще старший брат Питер и две младшие сестры. Жизнь, полная спартанской бедности, не позволила в детстве получить хорошее образование. Обучение Халиля ограничивалось посещением местного священника, преподававшего языки, Библию и естествознание. Что само по себе – свидетельство противоречий, сопровождавших Джебрана по жизни. Священник, преподающий естествознание. Страна, где

христианство и ислам сталкиваются постоянно. Мальчик рос в христианской среде и часто оказывался свидетелем розни между христианскими и мусульманскими общинами. Впоследствии это отразилось на его устойчивой позиции, которую некоторые имеют языческой, а другие человеческой.

Когда ему исполнилось двенадцать лет, мать Джебрана Камила в поисках лучшей жизни решила перебраться в Америку. Уже в Бостоне он поступил в учреждение милосердия для детей иммигрантов. Обучение давалось Джебрану с трудом, сказывалось незнание английского. Однако сразу были замечены его способности в изобразительном искусстве.

Скоро молодой Халиль Джебран увлекся мифологией, историей. Запад захватывал его своей свободной культурой: театры и галереи, литературные собрания. Здесь он усваивал новые эстетические взгляды, задавался новыми вопросами мировоззрения.

Джебран начал рисовать эскизы для обложек книг и журналов. И вскоре нашедшая его на этом поприще широкая известность стала даже мешать учебе. В 1898 году он уезжает на родину в Ливан, чтобы завершить образование, в особенности изучение языков – арабского, сирийского, английского.

В Бейруте он поступил в школу «Мадрасат Аль-Хикма» – «школу мудрости» – для изучения религиозных текстов и религиозной истории. Продолжая по заказу рисовать эскизы к книгам, юноша занимался иллюстрациями для журнала, изу-

чал французский язык, увлекался французской романтической литературой, знакомился с творчеством арабских просветителей.

В 1902 году Джебран заканчивает школу. В это же время начинается полоса несчастий. Он узнает о болезнях его родных в Америке: о начальной стадии рака у матери, о кишечном заболевании сестры. Халиль спешит обратно в Америку. Совсем скоро приходят беды одна за другой: скоропостижно скончалась сестра Джебрана, брат Питер заболел смертельной болезнью, и в это же время покинула мир его мать. Молодой человек остался один, без родных, в чужой стране. Возможно, именно этот надлом потребовал дополнительно творческого русла, и примерно в это время он кроме рисования начинает заниматься писательством, вначале на арабском языке.

В 1904 году в Нью-Йорке были опубликованы его первые книги: «Видение», «Огненные буквы», «Жизнь любви», «Музыка». Вскоре друзья помогают Джебрану организовать и открыть выставку его художественных работ, которая имела огромный успех. Именно там он познакомился с директором одной из бостонских гимназий Мэри Элизабет Хаскелл. Дружба с этой образованной и глубокой женщиной во многом определила его взгляды как литератора и как человека.

В нью-йоркском еженедельнике «Аль-Мухаджир» печатались поэмы, рассказы и эссе Джебрана на арабском языке из сборника «Слезы и улыбки». На арабском он издает книгу

«Нимфы долины», а затем и «Духовный мятеж», обличающий социальную несправедливость в Ливане XIX века и за-
силые религиозного догматизма.

В 1908 году Джебран отправился в Париж для совершенствования в живописи и прожил там около двух лет. Он был очарован атмосферой Парижа – культурного и интеллектуального центра Европы начала XX века. Занятия в Академии изящных искусств, уроки живописи, самоисследования, поиск собственного стиля в живописи и литературе... Джебран познакомился с замечательнейшими деятелями искусства той поры – Роденом, Дебюсси, Метерлинком, Ростаном. Его знакомство с Огюстом Роденом переросло в настоящую крепкую дружбу, дружбу на всю жизнь. В Париже началась работа над большим романом «Сломанные крылья», тут же издана на французском новелла «Марта из Бана».

С 1910 года Джебран окончательно поселяется в Нью-Йорке. Он арендовал студию в центре города, где прожил всю оставшуюся жизнь – до 1931 года. Продолжается работа над романом «Сломанные крылья», который будет закончен в 1912 году. Это самое большое произведение из его арабских романов. Джебран пишет книги, приносящие ему мировую славу.

В 1918 году Джебран сказал Мэри о том, что начинает работу над новой книгой «о человеке из острова» – это были первые наброски его самой знаменитой книги «Пророк». Известность Джебрана становится все шире, его начинают

сравнивать с Рабиндранатом Тагором и Уильямом Блейком.

Появился первый большой сборник произведений «Мятежные души», который на родине писателя в Бейруте был сожжен на главной площади. А все творчество Джебрана в Ливане было объявлено еретическим. Последующие свои работы Джебран пишет уже только на английском. Однако это не уменьшило уверенности автора в своем мессианском предназначении... И через три года вышел в свет знаменитый и проникновенный «Пророк» – своеобразный эпиграф ко всей его жизни.

Теперь все свои силы писатель отдает своему самому объемному произведению на английском языке «Иисус, сын Человеческий». Это одно из самых загадочных и необычных произведений Халиля Джебрана. Этому поэтическому свидетельству рождения, жизни и вознесения Мессии, вероятно, сложно дать не только однозначную, но и вообще оценку. При прочтении кажется, что если бы его не написал Джебран, оно должно было родиться из-под руки кого-то другого, но обязательно должно существовать. Однако Джебран выполнил свою миссию.

К 1928 году здоровье Джебрана заметно ухудшается. Он страдает от болей и прибегает к алкоголю. К концу года он заканчивает работу над книгой «Иисус», получает многочисленные положительные отзывы. Однако Джебран впадает в депрессию, глубоко переживая из-за потери, по его мнению, творческих способностей. Врачи обнаружили у него увели-

чение печени и рекомендовали строгое лечение, но писатель игнорировал их наставления и продолжал работать, выпуская новые книги.

Здоровье Джебрана еще более ухудшилось, и 10 апреля 1931 года он скончался в одной из Нью-Йоркских больниц с диагнозом «рак печени». Джебран был похоронен в родном селении Бшарри, как того и желал. Еще один сын человеческий, о деяниях которого все еще ведутся споры, покинул мир. Но остались его книги. Перед вами одна из них.

Иисус Христос – Сын Человеческий

Прелюдия. Слезы поэта

Сидя на берегу озера у Гластонбери, блуждая взглядом по берегам и вслушиваясь в долетавшие с дороги голоса, я с удивлением заметил, что со мною рядом присел незнакомец, показавшийся мне отчего-то и близким, и родным. Он молчал, просто сидел рядом и смотрел на озеро. Лицо его было серьезно и печально. Я с беспокойством разглядывал его бледность и уже подумывал, а не расправить ли мне крылья, не улететь ли на Авалон, ибо, вполне возможно, присутствие мое мешает размышлениям моего печального чужого друга. Неожиданно он взглянул на меня и сказал мягко: «Подожди еще немного, прежде чем улетать на Авалон».

Я был поражен. Откуда знать ему о том, что Владычица Озера пригласила меня к себе на Авалон? Тонкая улыбка коснулась уст его. «Ты знаешь меня, сын ветров, уже давно знаешь. Читал слова мои, и были они и утешением тебе, и горем страшным одновременно. Ты никогда не понимал, почему желал я умереть столь рано, а что вообще ты понимал?» Я осторожно придвинулся к нему. Огромные глаза под по-

лукружьями темных бровей смотрели на меня испытующе и всепонимающе. И тут неожиданно я понял, кто предо мной предстал. Теплая боль затопила мою душу. «Да, – сказал я. – О сколь часто Ты был мне братом и советчиком». Сын Человеческий опустил глаза к земле. «Я? Советчиком?» – «Да, но отчего же ты сомневаешься в себе?!» – в неподдельном удивлении воскликнул я. «Я до сих пор чужой в мире этом», – сказал он отвергнуто и беспомощно. И, словно бы желая доказать слова сии, его уста произнесли: «Мы – сыновья страдания, сыновья страдания. А страдание есть тень Господа, что в сердце обозленном не нашел себе приюта. Мы – души страдающие, и мука наша слишком велика, чтоб в сердце малом уголок найти. Большинство людей меня не понимают, но я дарю им все мое сочувствие. Не понимают зова моего, ибо шум дня закрался в уши их, забив их серными пробками равнодушия, и истины моей они не слышат. Меня не слышали даже самые близкие, подвижники, друзья, ученики, а я упивался пением их душ. Мы с тобой, Халиль, поэты, пророки и музыканты. Во имя Бога ткем мы плат нетленный из нитей сердца. Расскажи им правду обо мне, а то устал я, что меж мною и людьми лежит пропасть из слез и крови. Слез поэта и крови пророка. Расскажи им, Халиль, обо мне. Расскажи...»

Свидетельские показания Иакова, сына Зеведея

Люди поделены на племена и роды, принадлежа градам и странам. Я ж чувствую себя чужим, совсем чужим в обществе их многогранном. Вселенная – моя отчизна, и человечество – мое же племя. Слишком слабы люди, и горько мне, что столь разобщены они. Земля же так тесна, что глупо было по царствам, империям и провинциям расчленять ее.

Признание Сына Человеческого

О царствах на земле

Однажды в самом начале года Иисус стоял на базарной площади Иерусалима и беседовал с народом о множестве царств небесных.

Он обвинял книжников и фарисеев в причинах заката родной земли и ошибках страшных; он не просто обвинял, он разоблачал их.

И тут среди толпы появилась компания людишек, защищающих фарисеев и книжников, они осмелились поднять руку на Иисуса и на нас, его товарищей, в том числе.

Но уклонился от ударов он и пошел прочь от них, в на-

правления северных врат города.

И сказал нам: «Не пришел еще, как видно, час мой. Хотя многие уже, я видел, стояли тихо среди нас, и многие внимали словам моим о судьбе земли нашей».

Тут он изрек с радостью и торжеством: «Мы двинемся в северные земли, начало там всему положим. Идемте же со мной к холмам, ибо зима прошла и снег ливийский сошел уж с долин, горланя песни вместе с ручейками.

Поля и виноградники изгнали сон и пробуждаются навстречу солнца приветствиям, в ответ произнося здравицу инжиром и мягким виноградом».

И он пошел вперед, мы двинулись за ним, как ночь тихонько следует за ясным днем.

И где-то около полудня того же дня добрались мы до вершины горы Ермонской, и тут остановился он, любуясь на раскинувшиеся внизу, на равнине, города.

Лицо его, казалось, сияло золотом расплавленным. Он вскинул руку и так сказал нам:

«Прежде чем земля укроется зеленым одеяньем, увидим мы, как реки окаймят свои наряды серебром.

Воистину справедлива земля ко всем, кто справедлив с ней.

Но по ту сторону царства сего все, что вам встретится, подвластно моей лишь воле. И если выбор, желанье ваше на стороне моей, ступайте вслед за мной и правьте со мною вместе.

Мое лицо и ваши лица не должны быть масками прикрыты; наши руки не должны ни меч, ни скипетр держать, мы ж сами любить должны друг друга в мире, и не должно опасности исходить от нас».

Так говорил Иисус, и царствам земным не было дано ослепить меня со всеми городами их под защитой стен и башен; в сердце моем я следовал дорогой Учителя, ведущей в его, и только его, царство.

В этот самый момент шагнул вперед Искарriot Иуда. Подошел к Иисусу и сказал: «Царство земли сей обширно, а города Давида и Соломона должны вновь одолеть Рим. Если ты захочешь царем стать иудейским, мы станем на сторону твою с мечами и щитами, мы победим захватчиков».

Но когда Иисус услышал сие, он навис над Иудой, лицо его исполнилось ярости и гнева. Когда заговорил он, голос его ужасен был, словно гром небесный, и сказал он: «Изыди, сатана. Подумал ты, что я пришел сюда годами править ради суетного дня?»

Мой трон есть трон, виденьям твоим подлым недоступный.

Неужто должны живущие пугаться и превозносить одетых в саван?

Царство мое не на этой земле, и место мое не среди родов ваших.

Если вы не ищете спасения в царстве духа, тогда было бы лучше для вас оставить меня здесь и идти вниз в пеще-

ры ваших мертвецов, там коронуют ваши головы в могилах хладных их, и тишина подарит ужас вам подле костей ваших предков.

Посмеете ли искушать меня короною отбросов, коли взор мой Плеяды ищет, или вознамеритесь терниями истыкать?

Кто же ты и что ты, Искарriot Иуда? И почему ты искушаешь меня?

Воистину ты оценил меня своею меркой и нашел меня одним из легионеров армии ничтожных.

Ваши священнослужители и император ваш жаждут крови моей. Они обрадуются, как только я уйду отсюда. Я не хочу менять течение жизни. И не хочу я управлять глупцами. Позвольте невеждам воспроизводить самое себя, жалуясь затем на усталость от собственного потомства.

Позвольте слепцам оставаться слепцами в западне.

Мое царство не на сей земле. Мое царство там, где двое или трое из вас живут в любви и в восхищении от прелестной жизни и в доброте, и в памяти обо мне».

Тут он внезапно повернулся к Иуде и сказал: «Лучше ступай за мной, человек. Твое царство должно быть подле меня в моем царстве».

Смеркалось, он развернулся к нам, сказав: «Пойдемте вниз. Ночь уж на пороге. Но да пребудет время света вечно с нами».

И двинулся он прочь с холма, мы ж следовали за ним покорно. Иуда тоже шел вдали. И когда вернулись мы в низи-

ну, была уж ночь.

Фома, сын Диофана, сказал Иисусу: «Учитель, темно уж, не можем мы и далее блуждать в потемках. Коли хочешь, отпусти нас к свету той деревни, чтоб могли найти мы пропитанье и приют».

И Иисус Фоме ответил: «Я вел к высотам вас, когда вы были голодны, и я же провел сюда вас на равнину в великом голоде. Идите. Я же не могу остаться с вами этой ночью. Хочу побыть один».

К нему тут двинулся Симон Петр со словами:

«Учитель, не мучайся здесь в одиночку в темноте. Позволь остаться нам с тобою здесь, на обочине дороги. Ночь и тени ночи не желают мешкать, и завтра солнце встретить мы с тобой хотим».

Тут мы столпились вокруг него, не желая и боясь его оставить.

Долго мы стояли так, лица обратив к нему, и зрели одинокое величие его, трогательную отчужденность.

Только один человек из нас не обратился к нему, в его одиночество. Искарriot Иуда.

С того дня Иуда сделался угрюм и отчужден. И тень опасности залегла в его глазах.

Говорит Сын Человеческий «Земля совершенства»

Бог, утеравший душу, ты, потерявшийся среди других богов, услышь меня! Добрая богиня Судьбы, что наблюдает за нами, безумный странствующий дух, услышьте меня!

Я пребываю среди совершенной расы, я – самый идеальный – становлюсь абсолютным. Я, человек хаоса, смута перепутавшихся элементов, я странствую среди совершенных земель – народами собранных законов и целомудренных приказов, что вместе были набраны, что грезами и снами в порядок были приведены, что в список внесены виденьями большими и ими же записаны. Их добродетель, о Бог, была чрезмерна, их грехи были оценены по достоинству, и даже бесчисленные вещи, что пробрались в тусклые сумерки ни-греха-ни-добродетели, были здесь записаны.

Здесь дни и ночи были поделены по сезонам руководством и управлялись правительством безупречной аккуратности.

Еда, питье, сон, покрывала, скрывающие наготу, и в те уж времена утомляли. Работа, игры, пение, танцы и тому подобное подлежали тишине, когда раздавался бой часов. Мыслили и осязали сходным образом, и прекращали мыслить и осязать, когда уверенная звезда поднималась над молодым горизонтом.

Грабили соседей с улыбками, подносили яд с грациозным

взмахом руки, восхваляли осторожность, обвиняли осторожных, разрушали душу словом, обжигали тело дыханием, а затем умывали руки, когда деянья дней исполнялись.

Любили в соответствии с приказами большинства, развлекались сами с собой в заранее предписанной манере поведения, поклонялись богам приличий, интриговали ловчее дьявола, – а затем забывали обо всем, как будто память была мертва.

Выдумывали мотивы, презирали с предупредительностью, были сладостно счастливы, страдали благородно, – а затем опорожняли чаши, чтобы назавтра вновь суметь наполнить их до краев кровью.

Все здешние мысли, о Боже, были задуманы с предусмотрительностью сатаны, рождались с решительностью, вынычивались с требовательностью, управлялись по правилам, направлялись доводами, а затем убивались и уничтожались в полном соответствии с предписанными методами. А еще их молчаливо хоронили, положив в могилу вместе с человеческой душой, отмеченной и пронумерованной.

Это – совершенная земля, земля абсолютного превосходства, земля величайших чудес, явленных плодов из сада Бога, сего ведущего мыслителя Вселенной. Но кем же мне придется стать здесь, о Бог, ведь я – зеленое семя неосуществленных страстей, безумная буря, что рыщет в поисках покоя на западе и на востоке, смущающий разум фрагмент пылающей планеты?

Кто я здесь, о Бог, потерявший душу, ты, потерявшийся
среди иных богов?

Свидетельские показания Анны, матери Марии

В том городе, где я родился, жили одна женщина и дочь ее, которые странствовали по своим снам. Однажды ночью, когда тишина окутала землю, женщина и ее дочь бродили по снам, пока не встретились в своем мгlisto-укрытом саду.

И мать сказала: «Наконец-то, наконец, противница моя! Ты – та, которая была моей молодостью, что разрушена теперь, ты – та, которая создает свою жизнь на руинах моей собственной! Как бы я хотела суметь убить тебя!».

И дочь заговорила с нею: «О ненавистная женщина, эгоистичная и старая! Та, что стоит между моей свободной душой и мной! Та, что хотела бы заполнить мою жизнь, как эхо своей собственной увядшей жизни! Как я хотела бы увидеть тебя мертвой!».

В этот момент раздался крик петуха, и обе женщины проснулись. Мать спросила нежно: «Это ты, дорогая?». А дочь ответила не менее нежно: «Да, моя любимая мамочка».

Признание Сына Человеческого

О рождении Иисуса

Иисус – сын дочери моей – родился здесь в Назарете в месяце январе. В ночь, когда родился он, к нам пришли мужи с Востока. Это были персы, что пришли в Израиль с караваном путями чрез Египет. Потому-то не нашли они места на дворе постоялом и обрели приют лишь в нашем доме.

Я поприветствовала их, сказав: «Дочь моя сына принесла сей ночью. Верно, вы меня простите, коли не смогу я прислуживать вам по всем законам гостеприимства».

Тогда меня они поблагодарили за данный им приют. А после ужина сказали мне: «Хотели б взглянуть на новорожденного мы».

Сын Марии был красив тогда, да и она сама тоже была очень милостивой.

И когда персы вошли к Марии и младенцу ее, они подали ей злата и серебра, и мирра, и все положили в ногах ребенка.

Затем пали ниц и начали молиться на странном языке, нам непонятном.

И когда я провела их в спальный этаж, подготовленный для них специально, они в благоговейном страхе обсуждали увиденное ими.

Утром они распрощались с нами и отправились своим путем в Египет.

Но на прощанье подошли они ко мне с такими странными

словами: «Ребенок не по дням взрослеть начнет, мы сами видели свет нашего бога в его глазах и улыбку нашего бога на устах его.

Мы просим тебя оберегать его, что сил твоих достанет, и сможет он тогда хранить всех нас».

Сказав так, взобрались они на своих верблюдов, и больше уж мы не видели их никогда.

Теперь Мария, казалось, не столь рада появлению первенца своего, полностью подавленная чудесами и сюрпризами. Она смотрела на своего младенца, затем лицо свое к окошку обращала и всматривалась пристально в небеса, как будто ей являлись там виденья.

А затем вслушивалась в голоса долин.

Ребенок рос телом и душой, он был отличен от других детей. Он был всегда поодаль.

Но был Иисус все равно любим жителями Назарета, и сердцем знала я почему.

Довольно часто он отдавал еду свою прохожим. И раздавал другим детишкам сладости, коими угощала я его.

Он взбирался на деревья в саду моем фруктовом, чтобы набрать фруктов, причем никогда не оставлял их только для себя. Еще он состязался с другими мальчиками в беге и, поскольку был он быстроног, нарочно отставал, чтобы могли другие тоже победить.

И когда я зазывала его спать, Иисус мне говорил: «Скажи же матери моей и остальным, что только тело спит мое. Мой

разум остается вместе с тем Разумом, что входит в мою комнату и в мое утро».

И многие люди удивлялись словам его, ведь был он – мальчик юный, но, на взгляд мой, со старой памятью.

И вот теперь мне говорят, что не увижу я его уж больше никогда. Но как могу поверить в то я, что видели они? Я слышу громкую тишину его голоса и его песни в моем доме. И когда бы ни целовала я щеку дочери моей, его аромат вспоминает мое сердце, и кажется мне, его я вижу в объятиях моих.

Но дочь моя не говорит со мной о сыне-первенце. Иногда мне кажется, что стремление мое к нему куда больше, чем ее собственное. Она стоит как нерушимый день, как будто бронзовая она статуя, мое же сердце, расплавившись, течет в потоке боли.

Может быть, она знает то, чего не знаю я. Когда-нибудь она расскажет мне об этом.

Говорит Сын Человеческий «Видение»

С прорвавшейся сквозь заслоны ночью опустился сон на землю. И я пошел дорогой к морю, размышляя: «Море никогда не спит, а потому оно способно бессонную душу утешить».

Когда я выбрался на берег, туман, спустившийся с горы, окрестности в вуаль закутал, подобно лику женщины мла-

дой. Я вглядывался в нервные волны, вслушивался в пение хвалебное и думал о вечной силе, что за всем стоит, – той силе, что бурею спешит, и лаву из вулкана извергает, розами смеется и в ручьях поет. Тут я неожиданно увидел три фигуры, на скале сидящие. Я о них споткнулся, как будто неизвестной силой подкошенный.

В нескольких шагах от них магическая власть эта заставила меня на месте замереть. В момент сей поднялся один из духов и заговорил гласом, что, казалось, звучал из глубин морских:

«Жизнь без любви сравнима с деревом без цвета и плодов. А любовь без красоты подобна цветку без благоуханья или плоду без семени... Жизнь, любовь и красота едины суть; не способны они миру друг без друга являться».

Второй возвысил голос свой, звучащий водопадом: «Жизнь без волнений и страстей подобна году без весны.

А волнение не по праву весне подобно в бесплодной пустыне... Жизнь, волнение, страсти и право едины суть; не способны они миру друг без друга являться».

Голосом, подобным грому, заговорил со мной и третий дух: «Жизнь без свободы сродни плоти без души, а свобода без раздумий подобна духу возмущенному... Жизнь, свобода и мысль едины суть, ибо вечны и непреходящи они. Никогда».

Три духа восстали и заговорили вместе:

«Что пробуждает любовь,
Волнение порождает и
Творит свободу.
Все это божество порядка триединого...
Лишь Бог есть отраженье
Духа во Вселенной».

Шум незримых крыльев пронзил внезапно тишину, и содрогнулись существа эфира.

Закрыв глаза, прислушивался я к словам, уж отзвучавшим. Но как только я оглянулся вокруг, заметил только тумана паутину, что оплела все море. Я приблизился к тем скалам, на которых увидал трех фантомов, но обрел только к небу убегающие облака ладана.

Свидетельские показания Асафа, оратора Тирского

О речах Иисуса

Что должен я сказать о его выступлениях? Возможно, когда-нибудь о нем заговорят, будут передавать его слова, что слышали от него, из уст в уста. Ибо он был обаятелен, и сияние дня окутывало его.

Мужчины и женщины глазели на него куда больше, чем прислушивались к его аргументам. В то время он говорил с беднотой о духе и о том, что дух влияет на тех, кто слушает его. В молодости я слышал ораторов Рима, Афин и Александрии. Молодой Назаретянин был не похож на них на всех.

Они собирали свои слова, очаровывая музыкой слух, но если вы слышали его хотя бы раз, ваше сердце покидало плоть и отправлялось странствовать по землям неведомым.

Он рассказывал всевозможнейшие истории или высказывался иносказательно, и казалось, что истории его и притчи никогда еще никто не слыхивал в Сирии. Он казался природы круговращением, вращением времен, годов и поколений.

Он начинал историю словами: «Пахарь шел вперед по полю, разбрасывая семена».

Или: «Когда-то жил-был богатый человек, имевший великое множество виноградников».

Или: «Пастух подсчитывал своих овец и обнаружил, что одной овцы недоставало».

И находил слова, заставлявшие прислушиваться к нему, к их простой сути и к древности их дней.

В сердце все мы пахари, и все мы любим виноградники наши. На пастбище же нашей памяти все мы пастухи и стадо, и потерявшаяся овца.

И нива, коей едва коснулся плуг, и винный пресс, и молотилка.

Он знал источник нашей древней души и упорно пробирался к переплетеньям сердец наших.

Греческие и римские ораторы говорят о жизни как о чем-то отвлеченном и кажущемся. Назаретянин говорил об устремленьях сердца.

Они смотрели на жизнь глазами минимизированной свободы. Он смотрел на жизнь в свете вольной воли Бога.

Я часто думаю о том, что говорил он толпе, о том, что человек подобен горе.

В его сознании беднота была чем-то иным, чем для командующих ораторов Афин или Рима.

Он богом не был, он был музыкантом Слова.

Говорит Сын Человеческий «Другой язык»

Я родился три дня назад, и как только меня уложили в шелковую колыбельку, я озирался с изумленным страхом на новую землю, что со всех сторон окружала меня. Моя мать спросила взмокшую повитуху: «Как там мой сын?».

И повитуха ответила: «Здоровенький мальчик, госпожа. Я накормила его временем; и никогда прежде не видала я столь веселого малютку».

А я негодовал, а я кричал: «Это же неправда, мама: ложе слишком жестко для меня, и молоко, что выпил я, слишком горько для губ моих, и запах груди слишком тошнотворен для ноздрей моих, и я абсолютно несчастлив».

Но мать моя не поняла меня, не поняла и повитуха; мой язык слишком сильно отличался от языка земель, в какие я явился.

И на двенадцатый день моей жизни, когда крестили меня, священнослужитель сказал моей матери: «Вы счастливы должны быть, госпожа, ваш сын родился... христианином».

А я был удивлен, а я кричал священнику: «Тогда твоя мать на небесах должна быть несчастливой, ибо ты не родился христианином».

Но священнослужитель тоже не понял моего языка.

И спустя семь лун в один из дней Облегчитель Боли взглянул на меня и сказал моей матери: «Ваш сын будет царем и

величайшим вождем среди людей».

Но я вскричал: «Что за лживые пророчества; я буду музыкантом, и ничто не помешает быть мне музыкантом».

Но язык мой по-прежнему был непонятен – и страх мой возрастал ежесекундно.

И три, и тридцать лет спустя мать моя и священнослужитель делали все (под сенью Бога и духа его), чтобы сбылось пророчество Облегчителя Боли. И однажды встретил я его подле врат Храма. Мы заговорили друг с другом, и заявил он: «Я всегда знал, что ты станешь великим музыкантом Слова. Даже в детские годы твои я пророчил и предсказывал твое будущее».

А я поверил ему, ибо тоже забыл язык иных земель. Мой истинный язык.

Свидетельские показания Марии Магдалины

О первых встречах с Иисусом

Это произошло в месяце июне, когда увидела впервые я его. Он шел по пшеничному полю, я работала вместе со служанками. Он же был один.

Ритм его шагов отличался от ритма походки других людей, а движения тела его казались чуть более непослушными. По крайней мере, ничего подобного я ранее не видала.

Человек сей не шел по земле, как ходят обычные люди. И даже сейчас я не знаю, шел ли он или летел.

Мои служанки показывали на него пальцами и судачили громким шепотом.

А я замерла, убив мои шаги на единое мгновение, и вскинула руку в приветствии ему. Но он не поднял головы и не взглянул на меня. И я возненавидела его. Я сгребла в душе весь мусор, я была холодом, как если б очутилась в центре снежной бури. Я дрожала.

Той ночью он пришел в мой сон; сны мучили меня, я закричала и беспокойно заметалась по постели.

В месяце августе я увидела его вновь, прямо под моим

окном. Он сидел в тени кипариса по ту сторону моего сада, он был тих, как если б обратился в камень, казался статуей антиохийской или памятником других городов северных земель. И мой раб, египтянин, подошел ко мне со словами: «Этот человек вновь здесь. Он сидит по ту сторону вашего сада».

И я взглянула на него, и душа моя затрепетала, ибо был красив он.

Его тело было одиноко и требовало любви.

Тогда оделась я в дамасские шелка, оставила мой дом и поспешила к нему. Было ли то мое одиночество или его красота, но что-то толкнуло меня к нему. Был ли то голод в моих глазах, что желал утоленья, или его красота зажгла свет в моих глазах? Даже теперь я того не знаю.

Я двинулась к нему в благоухающих одеждах и золотых сандалиях, сандалии те подарил мне римский капитан. И, приблизившись к нему, сказала я: «День добрый тебе!».

И он вдруг отозвался: «День добрый тебе, Мариам».

Он взглянул на меня, глаза его ночи сказали мне то, что не говорил еще ни один мужчина. И внезапно я почувствовала себя обнаженной, хотя была одета.

А ведь он только и сказал, что «День добрый тебе».

И тут я спросила: «Не хочешь войти в мой дом?».

Он вздохнул: «Разве я уже не вошел в дом твой?».

Я не знала тогда, о чем он говорит, зато теперь отлично знаю.

И я сказала: «Не желаешь ли вина испить и отобедать со мною вместе?»».

Он улыбнулся: «Да, Мариам, но не сейчас».

«Не сейчас, не сейчас», он сказал: «Не сейчас». И голос озера звучал в тех двух словах, голос ветра и глас деревьев. И когда заговорил со мной он, казалось, заговорила жизнь со смертью. Ибо помни, друг мой, я была мертва. Я была женщиной, что торговала сущностью своей. Я жила отдельно от той души, что зришь теперь ты. Я принадлежала всем мужчинам, слыла блудницей. Они звали меня прелюбодейкой, а женщины – одержимой семью бесами. Меня проклинали, и мне завидовали.

Но когда его шелковые глаза взглянули в глаза мои, все звезды унижали небо моей ночи вновь, и я превратилась в Мариам, только Мариам, женщину земную, познавшую себя и нашедшую душу в новом месте.

И тут я вновь заговорила с ним: «Войди ж в дом мой, и испей вина, и хлеб преломи со мной».

Он же спросил: «Но почему ты просишь меня быть гостем твоим?»».

Я отозвалась: «Я умоляю войти тебя в дом мой». И это было все, что пенилось во мне, и все, что понимала я, так то, что небеса призвали меня к нему.

Тут он взглянул в меня, и полдень его глаз скользнул по мне, а он сказал: «Ты много любила, но только я люблю тебя. Другие мужчины любили самих себя в близости с тобой. Я

же люблю только тебя в душе твоей. Другие видели красоту в тебе, но красоту своих собственных лет. Я же вижу в тебе красоту твоих дней, красоту незримую и не открытую еще.

Я один люблю незримое в тебе».

И он добавил с любовью в голосе: «Ступай теперь. Мне следует идти путем моим».

Я ж прильнула к нему и сказала: «Учитель, войди в мой дом. Я ладан воскурю для тебя и в чаше серебряной омою ноги твои. Ты – странник и не странник все же. Я умоляю тебя, войди в мой дом».

Тут поднялся он и взглянул на меня, подобно тому как весна властно глядит на поля, и улыбнулся. И повторил вновь: «Все мужчины любили тебя ради себя самих. Я люблю тебя только во имя твое».

И он ушел.

Но никогда другой мужчина не пойдет путем его. То было дуновенье ладана в моем саду? Или буря, что разразилась в небесах?

Не знаю я, но день тот закатом солнца глаз его усыпил во мне драконов, я стала женщиной, я стала Мариам, Мариам из Магдалы.

Говорит Сын Человеческий «Первый поцелуй»

Это – первый глоток из бокала, что наполнен жизни нектаром. Означает разрыв он меж неуверенностью, которой за-

блуждается дух и сердце волнуется, и уверенностью, благодаря которой душа наша радостью наполняется. Это – начало песни жизни и первый акт в пьесе совершенных людей. Это – лента, связующая тайны прошлого с блеском будущего; звено меж тишиною чувств и веками уснувших глаз. Это – слово, что, сказанное четырьмя губами, возводит сердцу трон, любовь в царицы призывая и венчая короной верности ее. Это – нежное прикосновенье пальцев, что сродни ласковому ветру, когда он гладит розы, вызывая вздохи счастья и плачи страсти.

Это – начало удивительных вибраций снов и откровений. Это – слияние двух цветов ароматных и смешенье благовоений во имя создання третьей души.

Первый поцелуй есть первый цветок на древе жизни.

Свидетельские показания грека Филимона

Об Иисусе, учителе врачей

Назаретянин был учителем врачей своего народа. Ни один другой человек не знал столь много о нашем теле, его элементах и пропорциях.

Он делал то, с чем незнакомы были греки и египтяне. Они прозвали его защитником жизни от смерти. И верили ли этому или не верили, его не волновало; ибо только тот, кто вершит великие дела, действительно является великим.

Они говорили, что Иисус наведывался в Индию и страны по ту сторону Двух Рек и там постиг азы науки врачеванья.

Азы сии сделали его равным Богу, а не простому жрецу.

Многие двери были открыты ему. Он вошел в Храм Духа, что есть тело человеческое; и он вновь придал доселе порочному духу небесной силы чистоту, а доброму духу мощь физическую.

К сожалению, у бедняги были противники, обвинявшие в шарлатанстве его, не ведающим наших философов трудов. Он излечивал лихорадку ледяными полотенцами, он оживлял навеки онемевшие конечности простым наложением ру-

ки.

Он ведал про ослабевшие соки жизни, но возвращал их пальцами своими – методы сии мне просто неизвестны. Он ведал про здоровое закаливание, но секретами своими не делился никогда с людьми несведущими. Но богом не был, нет, скорей врачом.

И жалости достойно то, что величайший из всех врачей-телей их предпочел быть создателем историй базарных площадей.

Свидетельские показания Симона, прозываемого Петром

О том, когда он сам и его брат были призваны

Я находился на побережье озера Галилейского, когда впервые назвал Иисуса моим господином и учителем.

Мой брат Андрей был со мной, мы сеть забрасывали в воду.

Волны были бурны и высоки, и мы поймали мало рыбы. И на сердце у нас залегла тяжесть. Неожиданно подле нас предстал Иисус, мы даже не видели, как он к нам приблизился.

Он окликнул нас по именам и сказал: «Если вы хотите следовать за мной, я приведу вас в бухту, что полна рыбой».

И когда взглянул я на лицо его, сеть выпала из рук моих, ибо огонь его доброты обжег меня, и я признал его.

А брат мой Андрей сказал: «Мы знаем все местные бухты на этом побережье, а значит, ведаем прекрасно, что в ветреные дни рыба ищет более уютные места, чем наши сети».

Иисус же ответил: «Следуйте за мной к берегам великого озера. Я сделаю вас рыбаками людей. И ваши сети никогда не останутся пустыми».

И мы побросали ладьи наши и сети, и последовали за ним.

Я сам воображал, бедняга, что стоит брести вслед за ним.

Я шел подле, запыхавшись и исполнившись чуда, и мой брат Андрей последовал за нами, смущенный и изумленный.

И когда брели мы по песку, я набрался храбрости и сказал ему: «Господин, я и брат мой хотели б следовать твоей тропею, и куда б ты ни направился, туда и мы пойдём. Но, пожалуйста, пойдём в наш дом на ночь сию, мы будем благодарны за визит твой. Дом наш не богат и потолок в нем низковат, но место для тебя найдется и скромная еда. Потерпи уж в хибаре нашей, может, еще придется пожить во дворце. И преломи ты хлеба с нами, мы в твоём присутствии почувствуем себя князьями земли сей».

И он ответил: «Да, я буду гостем вашим в ночь эту».

И я возрадовался в сердце моем. И мы пошли в молчании к дому нашему.

И когда мы стояли на пороге, Иисус промолвил: «Мир да пребудет с домом сим, пребудет в нём».

Тут он вошел, мы следовали за ним вослед.

Моя жена и мать жены моей, дочь моя – все вскочили ему навстречу и поклонились низко гостю; колени преклонили перед ним и поцеловали подол одежд его.

Они были изумлены, что он, избранный и столь возлюбленный, пришел к нам в гости; ибо им известно было, что о нем на берегах Иордана пророчествовал Иоанн Креститель пред народом.

И тотчас же моя жена и мать жены моей засуетились, го-

товя ужин.

Мой брат Андрей был робким человеком, но вера его в Иисуса была намного глубже моей. А дочь моя, коей исполнилось двенадцать лет от роду, встала пред ним и поддерживала край его одежды, как будто не было в ней страха перед ним. Она в него вцепилась, словно пастух в находку драгоценную – пропавшую овцу.

Затем присели на скамью мы, он преломил хлеб и разлил вино; и, повернувшись к нам, сказал: «Друзья мои, благословение мое пребудет с кругом вашим, как если б было то благословение Отца».

Слова сии сказал он, слегка разволновавшись, ибо желал он следовать обычаям древним, чествующим гостя, пришедшего к хозяину.

И когда сидели мы с ним на скамье одной, казалось нам, что попали на пир к великому царю.

Дочь моя Петронела, что молода была и невинна, пристально взирала на лицо его и отслеживала движенья рук его. А я же разглядел покров печали в ее глазах.

Когда он со скамьи поднялся, вскочили мы все вслед за ним, столпились вокруг гостя своего. И заговорил он с нами, мы же прислушивались жадно, и сердца наши трепетали подобно птицам в небе. Он говорил о рождении вторичном человека, о разверстых вратах небесных; об ангелов потомках и о мире, о доброй армии человечества и о престоле Господа нашего Бога.

Затем взглянул он в глаза мои и пронзил самое сердце мое. И сказал: «Избрал тебя я и брата твоего, ты должен идти со мною рядом. Займите место подле меня и учитесь, учитесь в сердце моем миру, и душа ваша отыщет великие богатства».

Когда сказал он это, я и брат мой встали подле него, и я сказал: «Учитель, мы хотим следовать за тобой до самого края земли. И если наше бремя будет тяжелей горы, мы перенесем все тяжести с тобою вместе в радости великой. И если мы падем на обочине пути, мы узнаем, что мы пали по дороге к небесам, и будем счастливы».

А мой брат Андрей приблизился к нам со словами: «Учитель, мы – нить, ведомая твоей рукой и ткацким станком твоим. Мы – ткань, что сделана тобою, мы будем одеянием Духа Великого».

А жена моя подняла лицо и весело произнесла: «Благословенен будь, вошедший в дом наш с именем Бога на устах. Благословенно будь то чрево, что выносило тебя, и грудь, тебя вскормившая молоком».

А дочь моя, что от роду была двенадцати лет, присела у ног его и прильнула близко.

Мать же жены моей, сидевшая у порога, не произнесла ни слова. Только плакала в молчании, и шаль ее была мокра от слез печали.

Тогда Иисус бросился к ней и поднял лицо ее к своему как можно ближе и сказал, к ней обращаясь: «Ты была матерью

им всем. Ты плачешь от радости и горя, я ж хочу запечатлеть твою печаль в памяти моей».

Теперь уж старая луна поднялась над горизонтом. А Иисус замер на мгновенье, любуясь вечной красотой ее, затем же повернулся к нам: «Уж поздно. Ложитесь спать, и Бог придет во сне к вам. Я буду здесь, в хижине сей мирной. Я бросил мою сеть в волны дня сего и выловил двух мужей; я счастлив и теперь желаю вам всем доброй ночи».

Тут мать моей жены сказала: «Я в самом деле отдохнула сердцем, но не под кровом этим. Теперь же страдать мне без сна, лежа ночью этой под балдахинном винограда и звезд».

И она заторопилась, принесла матрасы, подушки и одеяла гостю.

Он улыбнулся ей: «Я лягу в кровати, вдвойне безумный».

Глаза дочери моей за ним следили непрерывно, и я закрыл плотнее дверь в комнату ее.

Так впервые я повстречался с господином и Учителем моим.

С тех пор прошло уж много лет, но до сих пор мне кажется, что было то сегодня.

Говорит Сын Человеческий «Первый взгляд»

Он – времени мгновенье, когда опьяненность жизнью пропадает под властью пробужденья. Он – пламя, загорающееся впервые в глубинах сердца, звук волшебный, который

в первый раз рождается серебряными струнами души. Это – краткое мгновение, что дух окутывает событиями времени. Он открывает тайны будущей вечности. Это – семя, что рассыпает Иштар, Любви Богиня, на полях своих любви.

Первый взгляд подобен духу, что летает над ликом вод и небеса с землею создает, когда скажет Господь: «Да будет».

Свидетельские показания первосвященника Каиафы

Поговаривали, что Иисус – человек, поговаривали и о его казни, в основном обсуждая два бросающихся в глаза факта: Тора должна содержаться в сохранности у нас, а это царство должно находиться под покровительством у Рима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.